

Вмешательство ещё одного конченого психопата в противостояние метафизических конченных психопатов оказалось как нельзя кстати: мы знали, что постепенно сдавали. Да, вред наносили, да, существенный. Но всё могло закончиться в конечном итоге совсем не в нашу пользу, и я даже знать не хотел, что «я» мог сделать «со мной» же.

Во многом с Эммой отбиваться от нападков Стивенсона, окончательно обратившегося в безмозглое животное создания, удавалось благодаря её буквально волшебной кукле, которая принимала на себя всё, что тварь в нас посылала и всё, что пыталась сделать.

Но волшебная кукла ведь не была панацеей, так?

Она и так приняла на себя пока непонятное влияние Второй Луны, и так перетягивала на себя моё всё прогрессирующее безумие от того, что я, казалось, совершенно спонтанно осознал. Урон, который она получила, став нашим щитом от животного, практически полностью её уничтожил, и на краю сознания я даже чувствовал из-за этого... какой-то дискомфорт.

Что-то было не так. Что-то определённо становилось вновь не так, и, к своему ужасу, я в упор не мог осознать, что, при этом полностью отдавая себе отчёт об этой неправильности.

Ненавижу. Я ненавижу промывающих мозги концептуальных тварей. Сколько можно, сука?!

— Я бы на твоём месте немного расслабился, приятель, — хмыкнул очередной альтер-я, улыбнувшись. — Как вам мой корабль?

— Мрачновато, — признался я. — Я не большой фанат научной фантастики с мрачной атмосферой ужасов, приятель.

Посмотреть было на что. Корабль слишком уж подозрительно адекватного альтер-меня был размером с не самый маленький город. Нам пришлось пройти через бесчисленные пустые холодные коридоры, то и дело натываясь на какое-то абсурдное количество помещений, в которых можно было увидеть различные живые организмы в капсулах.

Со стороны смотрелось, честно говоря, жутковато.

Не только людей, но и животных, растений. Капсул было какое-то абсурдное количество: словно многоэтажки, они возвышались над нами, из-за чего можно было подумать, словно этот альтер-я решил «спрятать» человечество от гибели в подобии матрицы.

Я отказался от этого предположения лишь потому, что плоды были недостаточно развиты и в матрице просто не было особого смысла.

По крайней мере, я надеюсь.

Впрочем, больше всего могло смутить не это. А снимки.

Снимки были повсюду. Самые разные, самые абсурдные и странные. Весь гигантский космический корабль был завешан бесчисленными фотографиями, недвусмысленно намекая на...

Скажем так, специализацию подозрительно адекватного психопата.

Фотограф.

Остаточное сознание животного было отправлено в сон. Это был хороший способ сдержать «нас» на неопределённое время, пока мы занимаемся делами. Дальше на судьбу твари мне было абсолютно наплевать.

Не удивлюсь, если «меня» попытаются переплавить в новый дар океана. Боюсь, после подобного нападения любая жалость...

А, Впрочем, её особо и не было. Главное, чтобы эта дрянь потом не полезла ко мне в душу.

— Ты не согласишься, я тоже, — хмыкнул альтер-я.

— И я! — подняла руку женская версия альтер-меня, безумно оскалившись.

Я чувствовал, что у неё определённо была связанная с этим какая-то не самая приятная история.

Стоявший чуть в стороне Чарльз предпочёл крайне тактично промолчать, сделав настолько непроницаемое лицо, насколько вообще мог. Можно сказать, для него пошло не так вообще всё, что только могло пойти не так.

Я поднял взгляд на яркое искусственное Солнце.

Пугающее Шоу Трумана.

Ленз привёл нас, используя вертикальные и горизонтальные лифты, в помещение, которое практически идеально имитировало пляж. Здесь даже подобие океана было, с настоящим морским бризом и волнами. Под ногами был тёплый золотистый песок. Порой я ужасался тому, насколько сильно в отдельных моментах мы были похожи. С другой стороны, организовывать столь детальную симуляцию пляжа на грёбаном космическом корабле — даже для меня было странно.

«Шед, сможем организовать имитацию пляжа в тени?»

«...»

— Вижу, вам нравится, — понимающе улыбнулся мужчина. — Я ожидал этого. Чего я не мог ожидать, так это столь терпимого отношения ко мне, Феликс. Ты тоже видишь сны Художника?

Я не ответил, но, видимо, это и так было очевидно.

— А ко мне у тебя нет вопросов, головастик? — сладко улыбнулась Эмма.

— Я на физическом и духовном уровне лишил себя влечения, — покачал головой Ленз. — Мы всё равно не можем иметь детей, так зачем нам тогда похоть?

Другой «я» подошёл к берегу, развалившись на шезлонге. Мы направились за ним, встав у самого искусственного «океана».

Меня не сильно удивило то, что я ещё и детей не могу иметь. Честно говоря, это вызывало во мне немалое облегчение, и дело было далеко не в том, что детей я ненавидел. Дело было в осознании того, какие твари могли от меня родиться.

Скажем так, в будущем я смогу быть более спокойным за то, что не оставляю после себя всякую нечисть.

— Жалкие осколки не могут дать дорогу настоящей душе, — буквально пропела Эмма, принимая ответ такого же психопата, как и мы.

В этом был смысл.

— Это всё очень хорошо, — стала улыбка Ленза чуть более... лукавой. — Но мне хотелось бы узнать, в какое дерьмо вы влезли.

И я даже мог его понять, против воли оглядываясь.

Моё восприятие позволяло мне уловить «внимание». Внимание где-то за искусственным деревом. Тень Ползучего человека, незримо следовавшего за нами; тень Второй Луны, тянущаяся к нам откуда-то из бесконечного космоса.

Наконец, тень гигантского кита.

Я чувствовал, как мне в затылок смотрело что-то безумно огромное. Млекопитающее

титанических размеров, увидевшее наглого, неудачливого рыбака, который если что-то и ловит, то одни проблемы на свою голову.

Чем больше проходило времени, тем больше я чувствовал, что картина моей «специализации» раскрывается лишь вместе с китом.

Все до этого встречные осколки занимались каким-то творчеством. Гончар, кукольник, скульптор, теперь фотограф. Мы все были художниками, но у каждого из нас было и что-то своё.

С другой же стороны, можно ли проявить творческую жилку, просто рыбака? Кто-то сказал бы, что да, но лично я не чувствовал того прилива вдохновения, которое испытывал, когда брал в руки кисть. Я в принципе не чувствовал себя рыбаком. Просто пытаюсь поймать «рыбу», я не испытывал вдохновения.

Но всё менялось, когда появлялся образ гигантского кита, которого поймал рыбак, но который сам был пойман китом. Тогда я видел перед собой образ, видел законченную картину, испытывал вдохновение и целостность.

Художник на рыбалке в дождливую погоду, за которым охотится пойманный им кит. Рыбак, ненавидящий пейзажи и кит, обожающих их. Кит, способный писать лишь нечто доброе и светлое, и рыбак, способный лишь на то, чтобы извращать и искажать это.

Я чувствовал в образе, который видел в голове, некую правильность и завершённость. Какое-то извращённое спокойствие и умиротворение.

Неожиданно пришло осознание, что мне безумно хотелось вернуться к малышке Сэнди.

Мы пронеслись через бесчисленные миры, что могло сильно повлиять на поток. Время нелинейно. Я понятия не имел, сколько сейчас прошло времени в мире, где меня сейчас ждало Немое, и эта мысль приводила в ужас.

Наш рассказ не занял много времени. Мы быстренько пробежались по проблемам, в которые ненароком влипли, заставляя головастика то удивлённо хмыкать, то хмурить брови.

— Удивительно, — без всякой иронии воскликнул Ленз. — Чарльз, ну ты видел?

Хмурый стилига явно думал над чем-то другим. Прямое обращение к нему словно вывело его из лёгкой дрёмы.

— Что ты имел в виду под смертью человечества?

— Ты ему не говорил? — удивлённо уставился на меня Ленз. — Мне промолчать?

— Можешь говорить, — махнул я рукой, плюхнувшись в песок.

Мне нужно было немного подумать.

Ленз хмыкнул, вновь обратив внимание на стилиягу.

— Честно говоря, «Death» здесь не совсем подходит, дружище. Скорее, «Doom» или... «Perdition».

Я вздрогнул, резко повернув взгляд на продолжавшего улыбаться ублюдка. Он смотрел прямо мне в глаза. Эмма, очевидно, так удивлена не была.

— И что ты хочешь этим сказать? — стал ещё более хмурым Чарльз.

— Тем, что кое-какая тварь однажды очень поднаслала и себе, и всему человечеству во всём древе реальностей, за что теперь нам всем приходится расплачиваться, — пожал плечами Ленз. — Ты веришь в судьбу, Чарльз?

— Нет.

— Зря, — покачал головой мужчина. — Такая же константа, но которая распространяется не на одну вселенную, а на все, пронизывая и протекая по всему древу. Отравленная судьба, которую изменить практически невозможно.

Ленз безразличным взглядом осмотрелся, подняв взгляд на искусственное Солнце.

— Я не стал слушать Мистера Стивенсона и попытался повторить его путь. Подумал, что, в отличие от него, добьюсь успеха. Смогу запечатлеть в своей камере успех. Спасение. Решил подойти к вопросу более технически и рационально. Это лишь очередной эксперимент.

Против воли я стал слушать. Слушать историю бесчисленных попыток.

В отличие от меня или Эммы, этот осколок изначально был более стабильным. Его разум развивался ещё быстрее, чем у нас, да и сам Мистер Стивенсон в бесчисленной вариации Атлантиды заставлял его развивать мозг и буквально программировал на идею того, чтобы сначала спасти людей, а затем уже жить в своё удовольствие.

Это уже сильно отличалась от того, кем и чем выросли мы.

Сперва головастик попытался просто оградить Землю от любых внешних и внутренних угроз. Создал непроницаемый купол, нашёл верных людей, подчинил всех, кто мог бы ему потенциально помочь или помешать. Взялся за человечество настолько плотно, насколько мог, закрывая любые, даже чисто теоретические угрозы.

Не помогло. В их мире случился прорыв в настоящий Ад из другой вселенной. Это не та угроза, от которой он мог вот так оградиться. Демоны сожрали всё человечество, не оставляя ни единого шанса на спасение.

Чем сильнее воздействие чужака — тем сильнее противодействие. Нужен был баланс.

Во второй раз, быстро осознав, что настолько грубое вмешательство лишь ускорит процесс, Ленз пошёл от обратного. Уже со второй попытки его разум развился достаточно, чтобы он мог напрямую, одним лишь своим чистым сознанием вмешиваться в чужие мозги.

Осторожное подчинение мирового правительства, создание настоящей подпольной организации, которая контролировала мировую экономику, войны и болезни. Всё для того, чтобы в конечном итоге объединить Землю и существенно ускорить руками самих людей прогресс.

Практически никакого прямого вмешательства — осколок очень быстро уяснил эту простую истину.

Руками людей они быстро смогли создать устройства, которые не только определяли любые «паранормальные» явления, но и могли их ловить, устранять.

Всё закончилось крайне резко и неожиданно. Появился безумный профессор, фанатично преданный организации, который, пытаясь исследовать очередной паранормальный феномен, неосторожно...

Схлопнул реальность.

То есть, просто схлопнул реальность. Без шанса откатиться, ведь вселенной словно и не существовало.

Профессора звали Гаррик Рид.

— Профессор? — стали круглыми глаза Чарльза.

— Если мы познакомились в одной вариации, то высока вероятность, что можем познакомиться и в другой, — пожал плечами головастик. — Просто при разных обстоятельствах. Ты был славным и очень верным мне малым, дружище.

Стиляга с ужасом уставился на меня.

Ленз над чем-то задумался.

— Ваш Гаррик ещё жив?

Вместо ответа я напрямую отправил другому «я» образ произошедшего, заставив удивлённо присвистнуть.

— Ясно.

Дальше шли самые разные попытки. Аккуратные и не очень, самые безумные и странные. Например, что, если люди мутируют и перестанут быть людьми в полном понимании этого слова, придёт ли рок?

Когда Ленз оказался в городе, наполненном обезумевшими мутантами, он понял, что сам человечество и уничтожил. Правда, от идеи не отказался и в следующий раз распространил уже модифицированный вирус, который пробудил в людях сверхспособности.

Предполагая, что сверхлюди впоследствии могут на первых этапах очень быстро и естественно уничтожить человечество, Ленз уже заранее всё подготовил, чтобы силовые структуры смогли сдержать всех неугодных и воцарился новый порядок.

Это какое-то время даже работало: «человечество» погибло позже, где-то к две тысячи тридцатому году. Просто в какой-то момент родился ребёнок со способностью искривлять пространство-время.

Вот Ленз отдыхал на пляже, довольный проделанной работой, а вот вновь оказался в самом начале пути, не понимая, что произошло.

Любопытный «я» не остановился. Он, осознав, что «судьбу» так легко провести было нельзя, стал выделять определённые закономерности. Что «судьба» считала «человечеством»? Какие характеристики она придаёт «человеку»? Насколько сильно должно отличаться существо от общего представления понятия «человек», чтобы концептуальная судьба оставила человечество в покое и возможно ли это вообще? Что, если уничтожить человечество сильно ран...

— Ты хочешь сказать, что намеренно неоднократно уничтожал человечество, чтобы просто посмотреть, как на это отреагирует... эта судьба?.. — ошалело переспросил Чарльз.

Он уже хотел задать «вопросы» на моменте, когда другой «я» решил из интереса распространить крайне сомнительный вирус, но каким-то образом нашёл в себе силы сдержаться. Теперь, очевидно, терпение лопнуло.

— Я тебя умоляю, дружище, — отмахнулся Ленз. — Давай без этого детского сада. Ты же уже должен был понять, что...

— Я уже ничего не понимаю, — признался стилига, развернувшись. Он уже не кричал, взгляд мужчины стал совсем усталым и потерянным. — И я не хочу понимать, Фишер, или кто ты там. Я буду ждать вас у входа... на этот пляж.

Мы остались на искусственном пляже, переглянувшись.

— Мы тебя поняли, — задумчиво пробормотал я. — Тогда в чём суть этого... корабля?

— Просто объединил несколько своих наблюдений, — безразлично ответил мужчина. — В этой вариации человечество прошло гибель сотни лет назад. Я взял из другой вариации весь нужный генетический код, модифицировал его, чтобы этот вид отличался от привычного нам человеческого, отправился в другую звёздную систему подальше от Земли и теперь просто жду.

— Ты чужак в этой вселенной, как и мы, — мягко напомнила Эмма. — Это слишком большое вмешательство, головастик.

— Я знаю, — дружелюбно улыбнулся Ленз. — Можно сказать, я пока просто собираю статистику. Настоящий эксперимент начнётся далеко не сразу.

Я почувствовал, как у меня по спине пробежал холодок.

— У тебя есть хоть какие-то настоящие... продвижения?

Ленз неожиданно оскалился, словно только и ждал этого вопроса. Оскалился безумно, будто поехавший маньяк, который мог нас порешить в любой момент.

Впрочем, практически сразу его лицо стало абсолютно непроницаемым и каким-то... апатичным.

— Да, думаю... Думаю, можно сказать, что продвижения есть.

— И какие же? — нахмурился я.

И я, и Эмма знали, что ответы не понравятся нам. Но даже намёк на то, что есть хоть какой-то шанс спасти это грёбаное человечество, уже вселял нешуточную надежду. Маленький лучик света в этом бесконечном мраке.

— Тебе повезло, что конкретно «Я» не хочу тебе зла, приятель, — вместо ответа улыбнулся Ленз. — Уверен, рано или поздно вы и так придёте к ответу. Ты, крупный осколок Художника, скорее рано. Думаю, это произойдёт в тот самый момент, когда Мистер Стивенсон решит показать тебе тень тени от тени той... «Картины».

Сама реальность вокруг нас задрожала, стремясь рухнуть под каким-то совершенно непонятным, чуждым, ужасающим «давлением».

Я почувствовал, как меня прошиб холодный пот. И не только меня, но и остальных.

«Картина». Что-то абсолютно ужасное, выходящее далеко за пределы всего, что мы можем и не можем представить. Нечто, напрямую связанное с тем, что получилось у больного нарцисса в тот момент, когда он разбился на бесчисленные осколки.

Синхронно мы навели пистолеты на головы, выстрелив.

Реальность мигнула.

— Бедный, жалкий неудачник, — пропела Эмма, истерично засмеявшись.

— Все мы, — пожал плечами Ленз, быстрее всех приходя в себя. — Не будем об этом. Я понял суть твоей проблемы, Феликс. Интересное воздействие. Безумно тонкое. Интересно?

Я уставился на иронично улыбающегося альтер-меня как на идиота. Тот развёл руки, словно извиняясь.

— Тебе выкрутили определённые эмоции, заставили сбиваться с цели, отвлекаться на другие «проблемы». Тебя просто пытаются задержать, приятель. В обычном случае ты мог бы сдержать своё любопытство, но не сейчас. Что-то такое...

Мужчина задумчиво потёр подбородок.

— Боюсь, если бы не помощь профессора, вы бы всё ещё торчали в прошлой вероятности, не так ли?

Ленз поиграл бровями.

Мы застыли.

— Кукла. Где кукла?

Эмма, услышав мой вопрос, удивлённо моргнула, опустив взгляд на руки. В её руках оказалась разваливающаяся чёрная глина, буквально соскользнувшая с пальцев девушки, упав в песок.

Я поднял взгляд с куклы на искусственное дерево, за которым стояла фигура в чёрной маске. Моргнув, я уже никого не увидел за деревом.

— Вопрос лишь в том, — продолжил мысль Ленз, — для чего тебя вообще решили задержать?

Я поднял взгляд на искусственное небо.

Пусть моя одежда и оставалась сухой, но...

Я обратил свою «Универсальную Удочку» в зонтик, скрывшись за ним от дождя.

Грёбаное приключение на двадцать минут.

— Ты ведь фотограф? — протянул я Лензу камеру ведущих, крутанув в руке зонтик. — Справишься лучше меня с этой хреновиной? Я, в конце концов, всего лишь рыбак.

Головастик окинул задумчивым взглядом сначала меня, а затем Эмму. Дружелюбно улыбнулся.

— Я начинаю понимать, что из тебя хотел слепить Мистер Стивенсон. Ну что же. Скажу прямо, мне эта затея не нравится, но... думаю, единожды мы можем вместе сотрудничать.

На краю сознания шепот моих друзей стал словно громче. Казалось, они радовались. Радовались так искренне и громко, как не радовались ещё никогда.

Никогда не думал, что твари из самых глубин океана окажутся такими сентиментальными.

Ленз взял камеру, задумчиво её осмотрев.

— Я бы хотел пообщаться с теми, кому принадлежит этот дар.

— Думаю, они с тобой тоже захотят пообщаться.

— Прекрасно.

Головастик с немалым удовольствием уставился в камеру, после чего нажал на кнопку и нас... Нет.

Весь космический корабль провалился в океан, отправившись на встречу прямиком ко Второй Луне.

На этот раз, скорее всего, нас уже не сможет ничего остановить. Малышке Сэнди нужно было подождать ещё совсем немного.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/4529756>